

МОЙ ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ КАМНЯ

Я, Страшнов Михаил Михайлович родился 27 декабря 1948 года в городе Москве. И как только я стал разумно ощущать себя в этом удивительном и огромном мире, у меня появилась мечта: стать геологом. И на это были свои совершенно объективные причины. Моя мама работала геодезистом, окончив МИГАИК (Московский институт геодезии и картографии). Моя тётя (сестра моей мамы) в 1948 году окончила МГРИ (Московский геологоразведочный институт). В трёхлетнем возрасте у меня появилась собственная коллекция камешков, собранная в весенних ручьях и аккуратно сложенных в спичные коробочки. Поздней осенью, когда моя тётя, жизнерадостная и загорелая, возвращалась домой из очередной экспедиции, я раскладывал перед ней своё богатство из маленьких окатанных камешков и просил сказать, как они называются. Она мне говорила, и я старался запомнить, переспрашивая по нескольку раз. А вечером вместо сказки моя тётя рассказывала мне о высоких горных хребтах со снежными вершинами, о бурных реках с ревущими водопадами. О ядовитых змеях, выползающих из своих нор погреться в лучах восходящего солнца. Я делал вид, что засыпаю. И тогда моя тётя начинала шепотом рассказывать моей маме о смелых парнях из её экспедиции, которые ничего не боятся. Сплаваются по горным рекам на плоту, искусно обходя торчащие из воды огромные валуны. Я слышал всё это, и мне хотелось стать таким же, как эти бесстрашные парни.

Когда я научился читать, то самой привлекательной для меня стала книга: «Лик Земли» Эдуарда Зюсса. Её подарила мне моя тётя перед тем, как выйти замуж и уехать из Москвы. Многочисленные чёрно-белые иллюстрации этой книги рассказывали об обитателях нашей планеты в далёком прошлом. Читать это пособие для студентов первого и второго курсов геологических вузов мне было трудно, но рассматривать картинки доставляло большое удовольствие.

В 1959 году нашей семье, состоящей из пяти человек, дали комнату в коммунальной квартире на Ленинском проспекте. Наличие холодной и горячей воды, тёплого туалета и ванной, хоть и общего пользования, было для всех нас настоящей цивилизацией. Школьные учителя были молодые, не вредные, не то, что в старой школе. Девчонки и мальчишки из нашего класса быстро подружились. Вместе со своей классной руководительницей мы стали ходить в однодневные походы. Учась в пятом классе, я узнал, что в строящемся на Ленинских горах Доме Пионеров есть геологический кружок. Мы со своим одноклассником приехали туда записываться. Тётенька в красном галстуке спросила у нас, мол, в каком вы классе учитесь. Мы с гордостью ответили, что в пятом. Она покачала головой и объяснила: вам ещё рано в геологи записываться, мол, химию вы только в шестом классе проходить будете. И мы

с товарищем, понутив головы, поехали обратно домой. Первая попытка стать геологом закончилась неудачей.

На следующий год, уже в шестом классе, мы с товарищем разузнали, что в МГУ есть запись в геологический кружок. Мы рванули туда. Нас и, правда, записали в геологический кружок, который вёл молодой парнишка – студент второго курса геологического факультета МГУ. Занятия кружка начинались в середине сентября. Желавших посещать кружок оказалось много. Тогда все кружки были бесплатные на общественных началах. Мы изучали азы геологии. И почти всё, что нам рассказывал преподаватель кружка, было написано в подаренной мне книге Зюсса «Лик Земли». Ни о каких поездках на известковые карьеры в Подмоскowie речи не шло. Мы изучали теорию и иногда рассматривали минералогические образцы, принесённые нашим преподавателем. Со временем энтузиазм слушателей кружка резко поубавился. К весне остались самые стойкие и влюблённые в геологию. Конечно, мы сдружились. Но у студентов началась весенняя сессия и летняя практика. Занятия в кружке прекратились.

Только когда мы стали немного старше и учились в восьмом классе, руководители наших геологических кружков стали вывозить нас в Подмоскowie на действующие известковые карьеры. Вот тогда-то мы и познали на практике азы полевой геологии. Тогда же стали появляться зачатки азарта поиска красивых минералов и камней. После нескольких поездок в Подмоскowie с нашими руководителями, мы организовались и стали ездить на карьеры самостоятельно. Эти поездки становились регулярными. Кроме того, мы сумели разработать маршрут посещения действующих месторождений Кольского полуострова на период зимних школьных каникул. Правда, с обмундированием несколько промахнулись. Как-то не догадались, что едем на север, где в Хибинах зимой бывает под сорок. Но, к счастью, благодаря радушной заботе местных геологов, мы были согреты и даже накормлены.

А в это время наша страна переживала очередные хрущёвские реформы. Эти реформы серьёзно затронули и сферу школьного образования. В 1963 – 1964 году СССР переходил с одиннадцатилетнего на десятилетнее среднее образование. И эта десятилетка начнётся с нас – учеников восьмых классов. Девятиклассники доучиваются ещё два года, заканчивая одиннадцатый класс. А мы по сокращённой программе выпускаемся в жизнь после десятого класса. Выпускные школьные и вступительные вузовские экзамены будут сдавать сразу два выпуска. Естественно, вступительный конкурс в институт возрастает в два раза. Кроме этой плохой была и хорошая новость. Все средние школы с девятого класса переходят на производственно-техническое профилирование. То есть выпускники школ получают первоначальные профильные навыки. К моему удивлению и счастью моя «родная» школа получает экономический и геологический уклон. Сама судьба толкает меня в геологию. Но обо всём этом

мы узнаем по возвращению из поездки по Кольскому полуострову. До сих пор не могу понять, как наши родители отпустили нас, детей, одних без руководителя в такую далёкую поездку, да ещё дали на неё денег (правда, всего 12 рублей).

Итак, в результате общеобразовательной реформы в Москве появились две школы с углублённым изучением геологии: школа № 22 возле метро Академическая и наша школа № 119, на Ленинском проспекте. Мне даже не надо было переходить в другую школу. Я просто перешёл в 9 геологический класс. С учениками геологической школы № 22 я был хорошо знаком по совместным поездкам в Подмосковные карьеры.

В нашей школе был всего один геологический класс, состоящий из 25 человек. Другой класс готовил экономистов. Тоже в количестве 25 человек. Нашими шефами были геологи из института ИГИРГИ (Институт геологии и разработки горючих ископаемых). После окончания девятого класса у нас должна быть настоящая полевая практика в геологической экспедиции. Помимо общеобразовательных предметов у нас два раза в неделю были уроки геологии. Все мы с нетерпением ждали весны 1965 года, когда закончатся занятия в школе и мы разъедемся по экспедициям.

Нашей геологической партии предстояло работать в Забайкалье и в Иркутской области. Но самое главное, что перед началом полевого сезона я со своим одноклассником (нас распределяли в партии по двое) и шофёром должны были сопровождать нашу экспедиционную машину на открытой платформе почти по всей Транссибирской железнодорожной магистрали.

Это путешествие из Москвы в Читу длилось 20 удивительных дней. Я был очарован сменой пейзажей, необъятностью наших просторов, суровостью Седого Байкала, прелестью всей Кругобайкальской железной дороги с многочисленными туннелями.

По приезде в Читу мы отправились на базу геологов в селе Атамановка, где нас уже ждали другие члены экспедиции. На другой день на машине ЗИЛ - 150 мы отправились на юг в район посёлка Хапчеранга, на границу с Монголией. Начались полевые будни. Ранний подъём, быстрый завтрак и изнуряющие маршруты под палящим солнцем в тридцатиградусную жару. Мне такая жизнь была по нраву, а мой одноклассник приуныл. Стал задумываться, чего он забыл в этой геологии?

Но проверка жарой была недолгой. Отобрав пробы на нескольких перспективных участках, мы отправились в обратный путь в Читу. Отправив пробы в Москву по железной дороге, мы поехали в Иркутск через посёлок Слюдянка. На месторождении флогопита в Слюдянке у нашего начальника были какие-то дела к директору рудника. Директор рудника сказал нам, что сегодня в ночную смену в шахте был вскрыт огромный «занорыш» с флогопитом. Такую огромную пустоту, заполненную кристаллами, он и сам видел впервые. Наш начальник партии Александр Яковлевич попросил

показать это чудо природы. Директор не возражал и тут же позвонил начальнику смены, чтобы в камере № N приостановили все работы по добыче флогопита и ничего там не крушили. Слово «крушили», услышанное мной, резануло мой слух. Но я не обратил на это внимание.

Нас всех пятерых (кроме шофёра) переодели в шахтёрскую робу и спустили на N горизонт. Нас сопровождал горный мастер участка. Он рассказывал о геологии месторождения, что оно разрабатывается с незапамятных времён, с середины XVIII века и до сих пор имеет хорошие запасы. За разговорами мы пришли к забою выработки в камеру, где вскрылся огромный «занорыш».

Я увидел подземное чудо своими глазами. Пустота, заполненная сверкающими кристаллами кварца и шестигранными пирамидами флогопита высотой больше полуметра. Среди больших кристаллов кварца выделялся один гигант высотой с пятилетнего ребёнка. Кристалл был хорошо огранён и свет фонаря отражался внутри него искристыми бликами. «Занорыш» был настолько огромен, что в него могли поместиться не меньше трёх человек. Мы с удивлением смотрели на это чудо. И тут к нам подошёл горный рабочий с кувалдой в руках.

«Ну, хватит, посмотрели, нам работать надо» - сказал он грубовато, оттесняя нас в сторону – «Глаза!!» - заорал он громким басом и с размаху ударил кувалдой по кварцевому красавцу.

Брызги осколков полетели в разные стороны, но кристалл ещё держался, покрытый огромной сетью трещин. Рабочий всё бил и бил кувалдой, разбивая великолепные друзы в мелкие осколки.

«Зачем вы это делаете? Ведь кварц не мешает вытаскивать флогопит?» - кричал я, пытаюсь остановить рабочего.

Рабочий опустил кувалду, повернул ко мне своё рябое лицо и внятно произнёс:

«У нас план по флогопиту, а не по кварцу. Вот когда нам станут платить за кварц, мы его будем аккуратненько собирать. А сейчас, не мешайте нам работать».

Смысл этих слов рабочего мне запомнился на всю жизнь. В этот день июня 1965 года потайная дверь в мир камня приоткрылась предо мной. Я заглянул только в щелочку. И увидел скрытое от глаз посторонних великое чудо природного камня. Вместе с тем увидел варварство людей, не умеющих ценить природную красоту.

Случай на шахте в Слюдянке перевернул весь мой внутренний мир. Мне будто открылась причина: почему природа прячет от людей красоту камня в своих недрах? Да просто от того, что люди ещё не умеют её ценить.

Со своими мыслями я поделился с начальником партии Александром Яковлевичем. Он мне ответил чётко и ясно: любовь и бережное отношение к природе надо воспитывать с раннего детства.

После обеда в столовой мы поехали на экскурсию на мраморный карьер на хребет Перевальный, что был неподалёку от шахты Слюдянка. Нашим гидом был старший геолог слюдянского месторождения. Он рассказал, что на Перевальном добывают уникальные кальцитовые мрамора голубого цвета, их бы дать скульпторам или колонны из них делать, а мраморную гору взрывают, дробят в щебёнку и подсыпают им дороги. И правда, голубой кальцит-красоты необыкновенной уничтожается на корню. Его обнаружили сразу после войны и в начале 1950 начались карьерные работы. От взрывов мрамора потрескались и стали годиться только на подсыпку.

Всю эту бесхозяйственность я увидел воочию, в первой же своей геологической экспедиции. А ведь моя работа геологом ещё толком и не начиналась. Я не знал, что мне ещё не раз придётся приехать по работе в эти края. Сейчас же, пока шофёр делал профилактику нашей машине, я покопался в отвалах слюдянской шахты и нашёл хорошие друзы байкалита, апатита, скаполита и кальцита. В те времена мало кто интересовался коллекционированием минералов. Материальной ценности тогда они не имели и конкуренции в сборе красивых образцов, у меня не было. Начальник партии со вниманием отнёсся к моей склонности к собирательству друз и даже выделил мне отдельный ящик и бумагу для завёртки образцов. Место для ящика в кузове машины было достаточно.

Из Слюдянки мы отправились на машине через Братск в Киренск. Там тогда шла разведка на нефть. Нам предстояло исследовать битуминозность района будущего месторождения. Наша экспедиция, по сути, только начиналась. Никаких теперешних дорог в тех местах ещё не было. Мы ехали по довоенным картам, по уже несуществующим трактам, по абсолютно диким местам, надеясь только на себя, и на удачу. И я чувствовал себя в своей стихии. Мы то и дело «тоннули» в болоте и едва выбирались на какие-то чудом сохранившиеся участки дорог. Нас «съедали» комары, кусали огромные слепни, пугали медведи. Романтики-выше крыши. Мой одноклассник матерился и клялся, мол, что эту чёртову геологию он в гробу видал.

По приезду в Москву из своих экспедиций ученики геологического класса нашей школы для себя решили, стоит ли им посвящать свою жизнь геологии или нет. Только пять человек из двадцати пяти твёрдо решили стать геологами. Позже, они, как и я, поступят в геологические вузы и свяжут свою жизнь с этой нелёгкой специальностью, которая, по сути, станет и их образом жизни.

Ребята из геологического класса школы № 22 не проходили проверку экспедицией и своих решений стать геологом не изменили. Многие из них после окончания школы поступили на геологический факультет МГУ. Моя дружба с ними продолжилась и дальше.

В 1966 году я, выдержав вступительные экзамены, стал студентом МГРИ и пять лет проучился в группе ПС-66 по специальности «Геологическая съёмка и поиск полезных ископаемых». Годы учёбы в институте были для меня

одними из самых лучших в моей жизни. Со своими друзьями я использовал любую возможность поехать за коллекционными минералами. Каждые праздники, прихватывая к ним ещё чуть-чуть деньков, мы ездили то на Урал, то на Кольский, то в Среднюю Азию, а то ещё дальше. Из всех этих поездок я привозил коллекционные образцы минералов. Моя коллекция росла и я стал делиться своими образцами с любителями камня. Таких людей становилось больше, но ажиотажного спроса на камни ещё не было. Помимо московских друзей у меня появились и знакомые коллекционеры из Урала. С ними я обменивался образцами по почте. Но главное, эти ребята научили меня навыкам старательского дела. Каждый из них имел древние корни знаменитых уральских рудознатцев. От них я перенял старательский азарт при добыче минеральных друз. От них я научился тому, что помогало мне чувствовать жилу. Меня учили, мол, видишь перед собой монолитную жилу. Как к ней подступиться? Одни долбят её кувалдой, разбивая всё, что внутри неё находится. А надо делать совсем иначе. Полил водой на этот монолит и подождал немного. Вода с поверхности камня испарится, а в трещинах останется. Изучи систему трещин и с помощью зубила разламывай монолит, открывая «занорыш». Да, опыт уральских старателей переходил из поколения в поколения.

После окончания второго курса обучения у нас была геологическая практика в Крыму. С теплотой вспоминаю то время. И солнце, и море и поездки за минералами. За полтора месяца я вместе с друзьями объездил весь Крым. Был и на керченских карьерах с их вивианитами и керченитами. Искал агаты в Сердоликовой бухте, ночевал на Карадаге. Сплошная романтика.

После третьего курса у нас была настоящая производственная практика. Я работал на Северной Камчатке в 11-ой партии Цукерника Александра Борисовича. Мы занимались геологической съёмкой масштаба 1: 200 000. Моим шефом и другом был Заботкин Лёва – старший геолог этой же партии 9-той экспедиции ВАГТа. До работы в ВАГТе Лёва по распределению попал на Север Магаданской области. В дождливые камеральные дни, лёжа в палатке, я с интересом слушал его рассказы о бесконечных зимних выюгах, о трескучих морозах под 50 градусов, о непуганом зверье, о снежных метелях среди лета. Я всё это слушал и не мог себе представить, что буквально через пять лет и мне предстоит работать почти в тех же местах целых три года.

Преддипломную практику я проходил в ЦНИГРИ в партии № 6 у Екатерины Алексеевны Алекторовой. Здесь мне нашлась работа по моей специальности. Мы вели крупномасштабную геологическую съёмку перспективных золотоносных участков Сары-оба и Таскара. Это в северо-Западном Прибалхашье. Вот там-то я впервые увидел сплошные «агатовые поля». Вмещающие агаты андезиты давно разрушились и на пустынной поверхности лежали округлые миндалины агатов. Собирай – не хочу. Но как понять красивый ли у агата рисунок? Если его разбить, то он весь потрескается.

Брать все подряд – шефиня ругается. Куда, мол, тебе столько много – машина не довезёт. Да и кто тебе пилить их будет? В «шлифовалку» возьмут не больше двух десятков. Я упросил Екатерину Алексеевну взять хотя бы рудный мешок цельных агатов. А это всего 10 килограммов. Правда, через геофизиков, работавших неподалёку, я сумел отправить в ЦНИГРИ ещё пару мешков агатов. Но, столкнувшись с таким обилием валявшихся на земле агатов, я серьёзно задумался о камнерезном станке, который необходимо приобрести в Москве. Тогда была ещё проблема с алмазным инструментом у нас в СССР.

Похоже, я неплохо проявил себя в съёмочной работе, поэтому Алекторова Е.А. подала на меня персональную заявку на распределение в ЦНИГРИ. За что я ей очень благодарен.

После защиты диплома и прохождения месячной армейской подготовки, я устроился на работу в ЦНИГРИ в партию Алекторовой. Находясь в Москве, я не терял зря время и, договорившись в мастерской ЦНИГРИ с токарями, построил небольшой камнерезный станок для резки агатов. Алмазный отрезной круг я обменял за бутылку водки у работяг в шлифовалке. На следующий 1972 год у нас планировалась экспедиция всё в то же Прибалхашье. Теперь можно было отправить на базу ЦНИГРИ Агадырь этот примитивный камнерезный станок вместе с оборудованием экспедиции и в конце сезона отобрать хорошие агаты, выбросив плохие. Но мои надежды не оправдались. Полевые работы в 1972 году у нас были не в Прибалхашье, а в Мугоджарах. Хорошо я не отправил свой станок в Агадырь.

В Мугоджарах я тоже занимался геологической съёмкой масштаба 1:50000. И там были агаты, но не такие красивые, как в Прибалхашье.

В 1973 году я в составе группы выдающегося учёного доктора геолого-минералогических наук Сергея Дмитриевича Шера делал объезд всех перспективных золотоносных участков Бодайбинского района. Сергей Дмитриевич не хотел брать с собой в экспедицию большую свиту диссертантов, постоянно крутящихся возле него. Он сам выбрал себе помощников. В эту компанию попал и я.

Но, как бы ни хотел скромнейший человек Сергей Дмитриевич проехать по рудникам инкогнито, его слава «бежала» впереди него. Уже заранее все знали, что к ним едет светило от науки. Его встречали, давали машину, вездеход, лошадей и всячески содействовали его работе.

В ноябре – декабре 1973 года в Москву в ЦНИГРИ по делам приезжал начальник Дукатской экспедиции Феликс Эмильевич Стружков. Как-то, встретившись с ним в коридоре института, мы разговорились. Он сказал, что его экспедиция нуждается в молодых специалистах, и если я изъявлю желание, то смогу поработать на благо страны и отечества. Я сказал, что подумаю и дам ему скорый ответ. Не знаю, что меня натолкнуло на такой подвиг: бросить всё и уехать к «чёрту на рога»? Но в душе я хотел хлебнуть «северной жизни», может быть, проверить себя на прочность? Или почувствовать свою

причастность к освоению этого уникального месторождения? Удивительно, что о деньгах, которые я мог бы заработать на Севере и по возвращении в Москву купить себе кооперативную квартиру, я почти не задумывался. У меня тогда были другие ценности в жизни. Романтика детских лет, вероятно, сыграла свою роль? Мне вполне хорошо жилось и в Москве, но хотелось ещё чего-то. Поэтому я дал согласие поехать работать в Дукат на три года. Мне тут же оформили перевод, т.к. ЦНИГРИ и Дукатская ГРЭ относились к одному ведомству: Министерству геологии. Но сразу поехать в Дукат я не мог. По законодательству я должен был отгулять свой положенный отпуск: сорок дней у меня накопилось отпускных.

Как известно, геологи работают летом, а в отпуск ходят зимой. Так получилось и у меня. Мои московские друзья тоже были в таком же положении. Вот мы и решили сделать мне «проводы» перед отправкой на Север. Мы поехали в Фергану в Шураб за целестинами. В этих местах мы уже бывали на студенческих каникулах. Вот там-то при добыче друз целестинов и пригодился наш старательский опыт. Теперь многие образцы, собранные там, в окрестностях Шураба, находятся в музее им. Вернадского.

Три года (с 1974 по 1977) я работал участковым геологом подземных выработок на Дукатском месторождении. Это было настоящее производство, требующее постоянной собранности, внимания, умения контактировать с рабочими, проходчиками и инженерно-геологической службой. Я действительно чувствовал и ощущал на себе постоянную причастность к общему делу: разведке месторождения.